

Внутри себя
я всегда
пишу.

НОНФИКШН РУНЕТА

на старте,
вычитание,
клавиатура!

ЕКАТЕРИНА ОАРО

~~Нет времени~~

ДЕРЖИСЬ

И

спешит
в
ператю

ПИШИ!

Организовать!

и похоро
качественно

БЕССТРАШНАЯ КНИГА
О СОЗДАНИИ ТЕКСТОВ

У меня
есть
все, чтобы
писать

А как
редактировать?

Нонфикшн Рунета

Екатерина Оаро
Держись и пиши

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Оаро Е.

Держись и пиши / Е. Оаро — «Издательство АСТ»,
2019 — (Нонфикшн Рунета)

ISBN 978-5-17-117665-5

Каждый, кто приступает к написанию текста, знает, какой это может быть непростой процесс. Сесть, сосредоточиться и начать выводить слова на бумаге или набирать их на клавиатуре – настоящее испытание! Вы боитесь подобрать неверные слова и просто уверены, что в итоге выйдет нечто банальное, перегруженное штампами и весьма далекое от первоначальной идеи. Книга Екатерины Оаро – ваш союзник в этом нелегком деле. Автор книги не только много лет обучает людей искусству создания текстов, но и, конечно, создает их сама. Поэтому она не понаслышке знает, с какими трудностями вы столкнетесь и как их преодолеть. Книга содержит множество практических советов и упражнений, которые помогут вам бесстрашно приступить к делу и не опасаться за результат.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-117665-5

© Оаро Е., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Благодарности	6
I. Перед рождением книги	7
Глава 1	7
Резюме главы	9
Упражнение	9
Глава 2	11
Резюме главы	13
Упражнение	13
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Оаро

Держись и пиши. Бесстрашная

книга о создании текстов

© Оаро Е., текст

© ООО “Издательство АСТ”

* * *

Научить писать нельзя. Но можно помочь. Пишут по наитию. Но важно знать, как строятся произведения прозы... Книга Екатерины Оаро не совсем учебник – это исповедь писателя. И из нее можно извлечь немало пользы. И начинающим литераторам, и опытным, и тем, кого называют обычным читателем. По сути, это художественное произведение о том, как писать художественные произведения.

Роман Сенчин, писатель.

Ни один учебник по теории литературы не сравнится с откровенным опытом Homo scriptor, рассказанным от первого лица.

В этой книге Екатерина Оаро не просто разоблачает мифы о писательском мастерстве, не просто срывает сидящие в нас, пишущих, барьеры, комплексы и зажимы. Она дает рецепты, иллюстрации, подсказки – как передать эмоцию словесно, как ярче закончить рассказ, как избавиться от творческого кризиса и так далее – не абстрактные, а самолично пережитые и опробованные, а потому особенно эффективные.

Прочитайте и попробуйте повторить сами.

Алиса Ганиева, писатель.

Благодарности

Эту книгу я писала не одна. И я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне:

Дэви Оаро за терпеливое слушание моих озарений и за то, что, пока я летала в облаках, он часто делал земное: убирал дом, мыл посуду и приносил еду.

Елену Мезрину за ценные дополнения к содержанию книги,

Коуча Александру Соловей за неизменную готовность созвониться, если мне это нужно, Дмитрия Рудакова,

а также моих бета-ридеров: Виталину Скворцову-Охрицкую, Катерину Медведеву, Ирину Мещерякову, Валерию Гумуш, Айгуль Шарипову, Ирину Колесинску, Ксению Собченко, Мариту Захарову, Татьяну Коршунову, Макса и Наташу Ярчаков, Татьяну фон Беелен, Валентину Матвееву, Татьяну Лебедеву, Катерину Хайнрих, Элину Коханую, Наталию Агееву, Павла Волчика, Наталию Юдину, Светлану Гетту, Алексея Байдина, Наталию Юрченко, Евгению Гаврилову, Юлию Бурилину и Анастасию Хрущинскую.

И, конечно, моих издателей: Марию Андрюкову, Илью Данишевского.

I. Перед рождением книги

Глава 1

Миф о том, что кто-то знает, писатель ли вы

Или: есть ли у меня потенциал?

Должен ли я писать? Должна ли я писать?

С тех пор как я преподаю писательское мастерство, на мою почту приземляются письма с этим вопросом. Авторы присылают мне на рецензию свои тексты, чтобы наконец успокоиться. Они ожидают от меня оценки: «Вот вы – пишете. А вы – нет».

За спиной у них обычно маячит Толстой с его «если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». И они ищут подтверждения своего права на творчество у авторитетов, готовые поверить чужой оценке.

В самом начале я пробовала убедить таких авторов, что писать им, конечно, нужно. Это насыщало их на час, но после они снова начинали сомневаться. Потому что извне этот колодец не наполнишь, сколько одобрения в него ни клади.

Я тоже была таким автором. Мечтала, чтобы авторитетный писатель взглянул на мой черновик и определил, есть ли у меня потенциал. Но все оценки я быстро ставила под сомнение. «Он говорит недостаточно эмоционально, он неискренен», – думала я. Или: «Он говорит из вежливости и чтобы меня не ранить». Или: «Эта писательница недостаточно авторитетна, она сравнивает меня с новичками, а не с классиками».

Поиск разрешения вовне напоминал жизнь без дома, неприкаянность. Жалкая позиция, вам не кажется? Я думаю, мы становимся в нее лишь тогда, когда теряем себя. Но если в себя вернуться, то находишь внутри мечту о книге, интерес к писательству, новый замысел, образ, жажду эксперимента.

Разве недостаточно этого для того, чтобы писать? Я верю, что если желание писать не покидает вас, то вам нужно писать. Это желание и есть ваш потенциал.

Возможно, вам кажется, что все мечтают написать книгу. Мне тоже так иногда кажется, ведь я выбираю себе творческих друзей. Но если посмотреть шире, то вы увидите, что о книге мечтают немногие. Вы правда думаете, что большинство людей приходят в восторг, когда слышат, что авторы встают в шесть утра, чтобы до начала рабочего дня уделить время тексту? Да ну. Большинство людей выберет мягкую подушку. Формулировать, редактировать, сомневаться, искать точные слова – разве все этого хотят? О нет. Только те, кто уже носит книгу в себе.

Говорить себе «Я не писатель» значит преуменьшать себя. Об этом пишет Ван Гог в своем письме, которое я часто цитирую. Он пишет о художниках, но слово «художник» легко заменяется на «писатель»:

«...Когда что-то в тебе говорит: “Ты не художник”, тотчас же начинай писать, мой мальчик, – только таким путем ты принудишь к молчанию этот внутренний голос. Тот же, кто, услышав его, бежит к друзьям и жалуется на свое несчастье, теряет часть своего мужества, часть того лучшего, что в нем есть. Другьями твоими должны быть лишь те, кто сами ведут такую же борьбу и своим примером пробуждают в тебе жажду деятельности.»

...“Я не художник”, – как можно так жестоко отзываться о самом себе? Разве нельзя стать терпеливым, разве нельзя научиться терпению у природы, видя, как медленно созревает пшеница, видя, как все растет? Разве можно считать себя настолько мертвым, чтобы допустить, что ты уже никогда не будешь больше расти? Разве можно умышленно препятствовать собственному развитию? Говорю все это для того, чтобы объяснить, почему разговоры о том, одарен ты или нет, кажутся мне такими глупыми.

...Мне хочется, чтобы живопись стала твоей навязчивой идеей и вопрос: “Художник я или не художник?” – отошел в область абстракции, а на первый план выступили бы более интересные практические задачи, скажем, как компоновать фигуру или пейзаж».

Как же красивы авторы, когда они просто работают, не сомневаясь в себе! Когда они не заглядывают другим в глаза, ища одобрения и оценки, а смотрят внутрь себя.

Сам вопрос «Писатель ли я?», направленный вовне, лишает вас сфокусированности, устойчивости, концентрации сил, а порой и самоуважения. Никто вам на него не ответит, а если и ответит, то этот ответ будет мало весить.

Я знаю это на собственном опыте. Помню, как, когда я поступала в Литинститут, я сдала все экзамены хорошо и на последний – творческое собеседование – шла уверенно. Потом я долго ждала перед аудиторией, когда подойдет моя очередь. Было душно, и уже через час все устали: и комиссия, состоящая из седых мастеров и ректора, и мы, абитуриенты.

Вот как это происходило: когда очередной поступающий выходил из кабинета с дубовым овальным столом, нужно было подождать и только после – войти. Во время этой паузы мастерам зачитывались рецензии на вступительные творческие работы следующего кандидата. Предполагалось, что абитуриент не слышит рецензию на свои тексты и не знает, как их оценили.

Но я не рассчитала время и вошла слишком рано. Из-за общей усталости никто не обратил на это внимания. И я услышала рецензию на подборку своих рассказов:

– Автор пишет об Алтае и Тибете, Крыме и Гималаях, но только не о родной Беларуси. У автора есть стиль, однако нет интереса к социальным темам. На фоне других работ, поданных на конкурс в этом году, эта подборка не кажется достойной. Не берем.

Это была рецензия признанного семидесятилетнего писателя. Когда ее читали, он уверенно мотал головой и делал такой жест рукой, по которому было ясно: не будем тратить на это много времени. Звучит как ответ на вопрос «Должна ли я писать?», правда?

В Литинститут меня все-таки взяли, потому что даже низкая оценка за собеседование не слишком опустила мой общий балл. И следующие несколько лет я училась с ощущением, что мне дали огромный кредит и я занимаю чужое место.

Правда, через пять лет на защите диплома мой мастер – все тот же седой писатель Александр Евсеевич Рекемчук – стоял за мою повесть горой. Действие повести происходило в Беларуси. Еще два оппонента написали на нее хвалебные рецензии, рекомендуя повесть к публикации.

Кажется, только я помнила приговор, услышанный пять лет назад на творческом собеседовании. В дипломной речи я хотела упомянуть о нем, но мой мастер сморщил лицо, как от музыкальной фальши. Я заметила это и быстро сменила тему.

Мне выдали красный диплом, а мастер, налив чаю на кафедре, сказал, что я не имею права останавливаться, потому что то, что я пишу – настоящее.

Я рассказываю эту историю для того, чтобы показать, что и седоволосые авторитетные писатели могут ошибаться, оценивая ваши рукописи. Что они могут запросто изменить свое мнение, когда вы напишете новую вещь. Что другим бывает не видно, станете ли вы писателем.

Но если желание писать не тает в вас, то оно и есть ваши карта и компас. Его могут не видеть те, кто снаружи: литераторы с сигаретками, учителя в пиджаках, тревожные родители. Его может быть недостаточно, чтобы усмирить внутреннего критика, потому что это зерно еще сокрыто в земле и не принесло плода. Пока только вы знаете об этом зерне. И если оно там, возможно, ваш долг – полить его.

Резюме главы

1. Никто не знает ответа на вопрос, должны ли вы писать.
2. И известные авторы тоже могут ошибаться и менять мнение на ваш счет.
3. Поиск внешнего одобрения дестабилизирует вас.
4. Далеко не все мечтают о книге! Если вы мечтаете, значит вы носите ее в себе.
5. Если желание писать не покидает вас, вам нужно писать.

Упражнение

Напишите эссе на тему «Как я вижу свое писательское будущее?». Позвольте себе помечтать. Чего вы на самом деле хотите?

Может быть, вы мечтаете, чтобы писательство стало новой рутинной, ежедневным делом, как чистка зубов? Или, может быть, вы хотите получить «Большую книгу»? Опубликовать свой рассказ в «Нью-Йоркере»? Увидеть, как его читает Тони Моррисон?..

Напишите, чего бы вы хотели. И сохраните этот текст.

P. S. Когда я даю это задание авторам, с которыми работаю, то получаю очень разные эссе. Приведу вам одно из них. Мне кажется интересным заглянуть в будущее коллеги. Это текст Наталии Юдиной:

«Мне кажется, что написать собственную книгу – значит сказать “я есть”, присвоить себе жизненный опыт. Наверное, кто-то с такими же мыслями решает завести ребенка, чтобы продлиться в новом человеке. Потому что книга, в моих фантазиях, это продолжение меня. И как ребенок может бегать где-то и разговаривать с другими людьми, так и книга может вести диалог от моего имени. Читатели смогут познакомиться со мной через мою историю или истории моих героев.

Мне бы хотелось, чтобы, закрывая книгу, они делали это с сожалением. Так захлопывают дверь за другом, который уходит после душевного разговора за чаем или бокалом вина. Или так выбрасывают обертку от подарка в новогоднюю ночь, потому что загадка свертка разгадана и предвкушение любопытства было удовлетворено. Я хочу, чтобы люди советовали мою книгу со словами “я завидую тебе, что ты ее еще не читал”.

Мне представляется, что я стою в книжном магазине, где хозяйка – смесь запахов бумаги и типографской краски. Читаю отрывок из своей книги пришедшим людям. Им нравится, они всматриваются в меня и кивают. Так зрители иногда поддакивают актерам на сцене театра. Им близко то, о чем я пишу.

Что будет самым большим признанием? Увидеть обложку своей книги в аэропорту. В залах ожидания люди читают либо то, что давно хотели, и вот, наконец, вынужденная пауза подарила возможность сменить работу и семью на книгу. Либо то, о чем не имели понятия, но бросили клич в соцсети “какая самая-самая?” и получили рекомендации. По какой-то случайности они

выбрали именно мою книгу и теперь растянулись на жестких сиденьях с ней в руках.

Я бы подошла и спросила:

– Что читаете? Интересно?

В ответ получила бы:

– Очень».

Глава 2

Миф о писательском отпуске

Или: у меня нет времени писать!

«У меня нет времени писать», – говорят некоторые. Они ждут окончания сложного проекта на работе, или когда подрастут их дети, или пенсии, или пассивного дохода, или отпуска. Или того дня, когда они поставят галочки напротив каждого пункта списка дел на эту неделю. Им кажется, что, чтобы писать, нужно обязательно поставить жизнь даже не на паузу, а прямо сразу на «стоп».

Я не буду говорить вам, что правильное время никогда не наступит. Тем более, что вы это уже читали в других книгах. Конечно, оно может наступить. Со мной однажды случилось такое.

В 2013 году мы только переехали из России во Францию. Если вы бывали на севере Франции в июле, то, наверное, видели, как города впадают в спячку до сентября. Рассасываются все пробки, запись к доктору только на октябрь, на двери булочной трепещет объявление «Улетела на море, хороших каникул!». Все, кто работает, уезжают в отпуск одновременно.

В этом опустевшем городе мне пришлось долго ждать: документов, начала моей аспирантуры, дня, когда приедут наши вещи. Местных друзей у меня еще не было. На всех театрах висели замки. Я сидела в полупустой квартире в новой стране, где никого не знала. Словом, ничто не отвлекало меня.

– Пиши эти месяцы и ни о чем не волнуйся, – сказал мне муж. – Ты ведь мечтала о писательской резиденции? Чтобы никаких встреч, почти никаких дел – целые часы на писательство и при этом чужой город, который будет тебя вдохновлять.

Я распланировала свой день идеально: чтение в одно время, писательство – в другое, редактура – в третье. Составила подробное оглавление будущей книги. И предвкушала зашкаливающую продуктивность. Представьте: мне даже на мытье посуды не нужно было отвлекаться – пока не приехали застрявшие на таможне вещи, у нас было всего три тарелки и две кружки. Каждое утро я садилась за стол, открывала ноутбук...

И писала ровно, страница в страницу, столько, сколько и в Москве, когда мне приходилось втискивать писательство в переезды в метро и обеденные перерывы. Только в той жизни я была уверена, что кусочничаю, выкручиваюсь и ничего не успеваю. И что будь у меня больше времени, я бы о-го-го...

Но теперь оказалось, что я успевала писать столько, сколько могла. И как я ни приклеивала себя к французскому стулу, моя норма страниц не выросла в пять раз от моего желания и идеальных обстоятельств. Я пробовала выжать из себя больше, но это оборачивалось усталостью и молчанием через день-другой.

Так во времени ли дело? Или все-таки в способности выносить интенсивность писательского процесса?

Писательство часто сравнивают со спортом, и это сравнение вполне точно. Пробежать марафон сразу только потому, что у вас появилось время на него, невозможно. А вот тренироваться регулярно, постепенно увеличивая нагрузку – хорошо работающая стратегия.

Так и с писательством: если у вас вдруг появится много времени, вы вряд ли сходу создадите объемную вещь. Лучше тренироваться постоянно и по чуть-чуть, в любых обстоятельствах, постепенно увеличивая количество знаков, которое вы пишете в день. Так вы научитесь

выдерживать большой объем текста и зашкаливающую интенсивность творческого процесса. Просто тренируйтесь где угодно, используя даже короткие паузы.

Откуда вообще взялась эта мысль, что автору нужно много совершенно свободных месяцев, чтобы писать? По-моему, это картинки из тех времен, когда у писателей были слуги, поместья, приносящие доход, и жена, исполнявшая обязанности секретаря, корректора и PR-менеджера.

Но это истории из антикварного салона. Мы давно уже живем в мире, где нет рабов, а обслуживающему персоналу нужно платить зарплату. И тем не менее хорошие книги постоянно создаются – людьми, работающими полный рабочий день.

Итак, ваше писательское вино становится лучше, если вы пишете регулярно. А если не пишете, то писательский отпуск рискует разочаровать вас.

Мои знакомые организовали писательскую резиденцию в Вильнюсе. Любой автор может подать заявку и получить в творческое распоряжение комнату в литовской столице, чтобы писать, ни на что не отвлекаясь.

Звучит здорово, правда?

Одно из условий этого проекта – написать отчет о творческой деятельности в резиденции, то есть рассказать, что планировал сделать молодой писатель, что удалось, а что нет. Эти отчеты публикуются в Фейсбуке регулярно. И раз за разом я читаю, как авторы переоценивают обстоятельства. Как они замахиваются, например, написать повесть в этих идеальных условиях – а создают рассказ-миниатюру. Как бродят они по вильнюсским улицам, когда их дневная норма страниц уже написана и хочется убежать из-за стола.

Поэтому я больше не верю в писательский отпуск. Я верю в заметки на салфетках, в ранние подъемы или творческие ночные часы, в то, что стоит не ждать подходящего времени, а надо самостоятельно его себе создавать.

Я верю Агате Кристи, которая писала за умывальным столиком в короткие перерывы между работой по дому. У нее не было даже обычного письменного стола. Но как много она написала!

Верю Марине Цветаевой, которая пишет Рильке: «Пишу тебе в дюнах, в тонкой траве дюн. Мой сын <...> сел на меня верхом (почти на голову!) и отнимает у меня карандаш (пишу прямо в тетради)...». В этом письме классик вдруг перестает быть бронзовым памятником – и становится живой мамой, умудряющейся писать письмо, которое живет уже больше века, с сыном на голове.

Скотту Фицджеральду, написавшему свой первый роман на клочках бумаги в свободное от службы время.

Дэвиду Гаффни, современному британскому автору, который смог стать писателем, имея только 50 свободных минут в поезде Манчестер – Ливерпуль каждый день. Правда, иногда, когда поезд ломался или останавливался из-за драки, у него появлялось дополнительное время. Тогда его короткие истории становились чуть длиннее. Сейчас у этого автора семь книг, страница в Википедии и совсем другая работа.

Не ждуг писательского отпуска и авторы, с которыми я работаю.

Три часа назад мама двоих маленьких детей, чей будильник каждое утро звонит в 5:30, прислала мне несколько вариантов концовки своего рассказа. За полгода до этого она говорила в сердцах: «Я никогда не закончу его! У меня нет этой роскоши: уединиться в домике на море на все лето... У меня есть всего 30 утренних минут – и только я успеваю разогнаться, как нужно заканчивать. Мой график мне не позволит».

А другой автор, тоже отец двух детей, да еще к тому же и владелец нескольких бизнесов, пишет на светофорах. Вот загорается красный свет, Сергей давит на педаль тормоза, достает телефон – и набирает новый кусочек текста. Светофоров в его жизни много – и к концу недели нам есть что обсудить.

Писать за рулем – небезопасно, и я не призываю вас делать это. Но я хочу показать вам, как люди находят время для своих текстов, даже когда его нет.

Девушка-психолог переехала в новую квартиру и поставила письменный стол в центре комнаты, а не у стены. Она хочет сделать писательство центром этого года, чтобы подарить себе книгу на тридцатилетие.

Механик станции техобслуживания пишет лаконичную захватывающую прозу. «Как автослесарь Серега предпочел опере драму» называется один из его рассказов. Когда мы встречаемся на консультацию, в его городе девять вечера: он пришел со СТО и открыл текстовый редактор.

Через веб-камеру я вижу, как у моей собеседницы за спиной бегают робот с мечом. «Мама, мама, смотри, что у меня на голове!» – заливается он. На моих глазах мама приручает этого робота, не отвлекаясь от своей истории. И текст ее потихоньку пишется.

Если относиться к писательству слишком серьезно, если чувствовать ответственность перед великой русской литературой, если ставить планку, до которой можно дотянуться только лет через двадцать – хочешь не хочешь, а начнешь искать идеальных условий. Но ведь творчество, как и чтение – это еще и удовольствие, и игра. А что, если расслабиться? Забыть про миссию, сложносочиненную композицию, чужие ожидания и самих себя? Про стол, кабинет и отпуск? Что, если писать и редактировать в телефоне, и в лифте, и когда ребенок смотрит мультики?

Если у вас есть тридцать минут и телефон – этого достаточно. Я бы даже сказала, что это роскошь. Начинать писать. Отправьтесь на свидание со своей писательской частью. Ведь если вы не пишете, когда у вас нет времени писать – вы не будете писать, когда время появится.

Резюме главы

1. Заметки на салфетках, мысли, наговоренные диктофону в телефоне, ранние подъемы, писательство в метро – это обычная писательская жизнь. Так и создаются книги, особенно первые.

2. Тридцать минут и письменный стол – это целое состояние!

3. Заряд вашей писательской батарейки увеличивается постепенно, сам собой, если вы работаете регулярно.

4. В идеальных условиях вы будете писать столько же, сколько в неидеальных – свою норму страниц.

5. Если вы не пишете, когда у вас нет времени писать – вы вряд ли начнете писать, когда время появится.

Упражнение

Я хочу поделиться с вами одной техникой, которая может вам помочь быстро прийти в писательское настроение и не попасть в ловушки прокрастинации.

Техника эта называется DRAW, и каждая буква в этом слове соответствует одному вашему действию. Все, что вам нужно, это 30 или 40 минут, ваш компьютер или блокнот и таймер.

1. D означает declutter, то есть: приберитесь.

Поставьте таймер на 5 минут и посвятите это время наведению порядка. Всегда легче писать за чистым столом. Возьметесь ли вы за место, где вы сидите, или за рабочий стол на вашем компьютере, мытье посуды или складывание одежды – посвятите этому 5 минут.

Таймер поможет вам не делать это слишком долго, чтобы, во-первых, не устать, а во-вторых, не забыть о том, ради чего вы затеяли уборку. Просто сделайте ее 5 минут, а когда таймер зазвонит, остановитесь.

2. R означает read, то есть: читайте.

Поставьте таймер еще на 5 минут и посвятите их чтению. Читайте книгу, которую любите, или стихи, которые вдохновляют вас, или просто то, что сейчас читаете. Вы обнаружите, что 5 минут – это много. И что чтение помогает вам сосредоточиться.

3. A – assess, то есть: оценивайте.

Эти 5 минут перечитывайте то, что вы написали раньше. Возможно, это даст вам новые идеи, а может быть, поможет разблокировать свою энергию и преодолеть ступор. Вы почувствуете, что начинаете не с нуля. Вы уже писали тексты и сейчас просто продолжаете делать это.

4. W – write, то есть: пишите.

Наконец-то! Теперь поставьте таймер на 20 или 30 минут, то есть на все оставшееся время. И пишите. Вы не заметите, как вошли в текст, белый лист перестанет пугать вас, в голове порядок и новые идеи. О времени можно не тревожиться – это работа таймера. Я ставлю его на телефоне и выбираю победную музыку.

Но если вам захочется проигнорировать ее, когда она заиграет через полчаса – у вас есть на это право.

Глава 3

Миф о том, с чего начинается книга

Или: а если нет сюжета? а если нет героя?

Когда мне было шестнадцать, я просто садилась за стол и раскрывала тетрадь, не загадывая, куда приведет меня текст. Так много удовольствия, так мало рассудка!

Писать я перестала, когда начала изучать теорию писательского мастерства. Я прочитала, что такое конфликт, каким должен быть герой и что сюжет должен быть похож на синусоиду. И замерла. Знания эти еще не превратились в навыки, но писать по-старому я уже не могла. Я осознала, что все, что я записываю – это какие-то маленькие бессюжетные картинки, а то и вовсе... чувства. Они годились для личного дневника, но не перерастали в произведения. И я решила не растрчивать себя почем зря и сразу примеряться к большой прозе.

Так я вообразила себе, что, садясь за текст, нужно иметь все: продуманных очаровательных персонажей с их «арками», мощную кульминацию, необычную композицию и свой стиль. И, конечно, идею – то самое школьное «что хотел сказать автор». То есть что текст должен начинаться... со всего сразу.

Но приходит ли школьнику в голову, что автор мог быть настолько дерзким, чтобы писать, не зная, что же он хочет сказать? Или не зная, чем все закончится? Мне не приходило. Я считала, что, чтобы создать рассказ или роман, нужно сначала собрать все его элементы.

Как много времени я потеряла из-за этой идеи! Образы продолжали возникать передо мной каждый день, но теперь я не переносила их на бумагу: ведь у меня не было для них рамки. К чему эти вспышки, если они не складываются во что-то большее?

Я просто перестала писать и стала ждать, когда все сойдется. Так и наступила первая в моей жизни писательская блокировка.

Я потеряла несколько лет, ожидая, когда текст родится у меня в голове. Ожидание мучило меня, подтачивало самооценку. Но однажды я прочла свидетельство Уильяма Фолкнера о том, с чего он – лауреат Нобелевской премии! – начал писать роман «Шум и ярость»:

«Все началось с образа, который возник у меня в голове, – спокойно рассказывал Фолкнер. – В то время я не понимал, насколько он был символичен. Это была девочка в замаранных сзади штанишках, которая сидела на грушевом дереве и смотрела через окно в дом, где хоронили ее бабушку, и сообщала братьям, стоящим внизу, что происходит».

Давно я не чувствовала столько злости! Ведь у меня таких девочек на деревьях было полбллокнота и полголовы! Но что взять с них? Законченного произведения и не намечалось.

«Когда я объяснил себе, кто они такие, что делают и почему у нее грязные штанишки, я понял, что уложить все это в рассказ не получится, это должна быть большая книга», – продолжал Нобелевский лауреат.

Что он себе позволяет? И неужели так все-таки можно? Одна часть меня кричала: «Да!», а другая не понимала, как из этой картинки, почти фотокарточки, можно создать целый роман.

«Сначала я попробовал изложить историю в том виде, как она представлялась одному из братьев, написал первую часть, чувствую – чего-то не хватает. Тогда я дал высказаться второму брату – опять не то. Я взял третьего брата, потому что Кэдди по-прежнему казалась мне такой трогательной и прекрасной, что не хотелось заставлять ее

всего лишь пересказывать события, я считал, если другие будут говорить о ней, книга наполнится живым чувством. И снова неудача. Тогда, уже в четвертой части, я решил рассказать о случившемся от себя, и – снова ничего не вышло...»

И я, наконец, стала понимать. Первое: Фолкнер доверял странной картинке с девочкой в замаранных штанишках в своей голове. И второе: он не ждал, когда образ превратится в роман сам. Он начал писать, как будто метать дротики в дартс: раз за разом промахиваясь. Но говорит об этом так, что понимаешь: промахи нормальны, не нормально – останавливать игру.

Мне пришлось сделать то, что, мне кажется, любой человек должен однажды сделать. А именно: изменить свое мнение. И начать метать дротики снова.

Как это обычно бывает, на меня тут же посыпались свидетельства других авторов. К примеру, Клайва Стейплза Льюиса, автора «Хроник Нарнии»:

«...Кажется, некоторые считают, что вначале я спросил себя, как рассказать детям что-нибудь о христианстве, потом как средство выбрал сказку, собрал сведения о детской психологии и определился, для какого возраста буду писать, набросал список христианских истин и придумал к ним аллегории. Это – полная ерунда. Так я бы не написал ничего. Все началось с образов: фавн под зонтиком, королева в санях, величавый лев. Сперва там не было ничего от христианства, это пришло само собой, позже, когда я уже кипел.

Настал черед Формы. Образы соединялись друг с другом, возникала история. В ней не было ни сложных характеров, ни любовных линий. Жанр, в котором все это отсутствует, – сказка. И как только я понял это, я полюбил саму Форму: ее краткость, строгую сдержанность описаний, ее гибкие традиции, ее непримиримость ко всякому анализу, к отступлениям, рассуждениям и прочей болтовне. Я влюбился в сказку, мне нравился даже ее ограниченный словарь, как скульптору нравится твердый камень, а поэту – сложный сонет».

Сначала вымазанные штаны на дереве, теперь фавн под зонтиком... Доверять тому, что почему-то тронуло меня, оказалось сложно. Но мне пришлось снова начать это делать, ведь мои образы – единственное, что у меня есть. Может быть, чьи-то повести начинаются с чего-то более внятного, но мои – и, возможно, ваши – с такой вот мелочи, неожиданной вспышки интереса или случайной фразы.

Текст может вырасти из смутного непрожитого чувства или вертящегося в голове вопроса, из необходимости суммировать свой опыт и разобраться, о чем он, из потребности решить социальный вопрос – да из чего угодно.

«Когда я сажусь писать книгу, я не говорю себе: “Хочу создать произведение искусства”. Я пишу ее потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачить, какой-то факт, к которому надо привлечь внимание, и главная моя забота – постараться, чтобы меня услышали», – пишет Джордж Оруэлл.

Когда я решила доверять тому, что у меня есть, мой писательский блок тут же прошел. В блокнот снова потекли описания башенки на здании, голоса уличного музыканта, подсмотренные у людей странные привычки...

Мне бы хотелось, чтобы процесс создания произведения был похож на сбор спелых яблок. Но в реальности он напоминает скорее созревание жемчуга. Вы знаете, как это происходит? В раковину моллюска попадает крошечная личинка мелкого насекомого, песчинка или паразит. Стенка этой раковины внутри покрыта мантией, в которой множество мелких нерв-

ных окончаний. Как в вашей душе, – хочется добавить мне. Они реагируют на то, что попало внутрь, и выделяют вещество, которое люди называют перламутром. Так рождается сначала крошечное жемчужное зернышко, а через несколько лет – жемчужина.

Несколько лет – это, конечно, долго для нашего времени. Но все зависит от возраста жемчужницы, места, где она живет, состояния экологии... И практики, – добавлю я.

Доверие песчинкам превращает человека в автора: начинаешь ходить повсюду с ручкой и даже в путешествие берешь не камеру, а блокнот. Собираешь эти песчинки, раскладываешь их по своим раковинам – и потихоньку добавляешь перламутра.

Авторы умеют ждать и делать заготовки. «Без заготовок, – признавался Маяковский, – хорошей вещи к сроку не сделаешь». Читая его статью «Как делать стихи?», я понимаю, что этот автор умел доверять своим фавнам и выносить неопределенность. Вот он рассказывает, как целых два года образ лежал у него в раковине, а потом – раз! – и стал названием поэмы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.